

стует наше представление о спиралевидном духовном развитии с точки зрения нынешнего состояния общества? Здесь мы можем говорить о принципе «вечно преходящего в новой ипостаси» – «eadem mutata resurgo», – как говорили древние. Постулированная временем смена парадигм не может быть осуществлена в условиях господствующего до сего времени прямолинейного, а по сути «линейного» мышления. «Прогрессивная мысль» толкала человечество умопомрачительными темпами к сомнительным в современном понимании целям. Теперь в стране чувствуется стремление к внутреннему сдерживанию событий, их течения. В этой связи наше спиралевидное вхождение в будущее в русле динамики, живой диалектики приобретает важное значение. Динамичному миру отвечают не тупое и «пробойное» прямолинейное движение к будущему и не эгоистичное «топтание» вокруг себя, а его жизненные, поступательные формы.

В целом, образ спирали предполагает как поступательное движение, так и динамичный взгляд в прошлое и будущее. Это – диалектическая картина, которая внутренне присуща всему живому, и которая олицетворяет первородный феномен. В основе наших диалогов (я – ты) лежит спиралевидный путь нашего языка, нашего мышления, ведущий к Мы. Задача духовного воспитания как главного столпа будущего и есть, собственно, поддержание этого диалога.

Источники

<http://www.paed.uni-muenchen.de/~baeuml-rossnagl/Hochschulscript%202002-Morin.pdf>.

Edgar Morin (UNESCO 2001): Die sieben Fundamente des Wissens für eine Erziehung der Zukunft (deutsche Ausgabe bei: Kramer Verlag Hamburg).

Bauml-Ronagl .... nur ein Puzzle-Bild davon. Einsichten auf der Suche nach einem neuen Sachbegriff. In: EINSICHTEN. Forschungszeitschrift an der LMU-München, H. I. S. 19 ff.

*Е.К. Созина
(Екатеринбург)*

Геополитическая утопия в очерках К.Д. Носилова о вогулах*

К.Д. Носилов – известный на рубеже XIX–XX вв. путешественник, писатель, журналист и ученый (этнограф, геолог), исследователь русского и уральского Севера, член Русского Географического общества и член-корреспондент УОЛЕ. Северо-западную Сибирь – «край вогулов» – Носилов начал посещать с 1883 г.; в 1892 г. провел зимовку в вогульском поселении на реке Конде вместе с другим

---

* Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

уральским журналистом и писателем П.П. Инфантьевым. Главной книгой Носилова, представляющей его опыт общения с народом манси, явились «Очерки и наброски», «У вогулов» (1904), хотя этой же теме были посвящены многочисленные рассказы и очерки для детей и взрослых, где вогулы встраивались в панорамную картину жизни российских «инородцев». Носилов всегда придерживался гуманистической позиции в отношении коренных народов Севера и Сибири; будучи сторонником прогресса и полагая, что его движения не остановить, он стремился привлечь внимание российской общественности к проблеме вымирания северных народностей и их ассимиляции с русскими, и в этом, безусловно, состояло гражданское значение и его произведений, и полубеллетристических, полужурналистических книг Инфантьева.

Природа не наделила уральских авторов большим художественным талантом, но недостаток художественности искупался иными качествами, привлекавшими читателя к этой литературе: активная позиция автора, его безусловная любовь к странствиям и к тем неизведанным уголкам страны, которые он открывал в своих путешествиях, спеша поделиться радостью узнавания нового с читателем, наблюдательность и неиссякаемый интерес к жизни, к людям, к природе. Из совокупности их произведений вырисовывался многогранный образ мира и порядка жизни чужих народов, а также – как необходимое основание познания и понимания «чужого» – образ чувств и мыслей русского путешественника, внедряющегося в чужое пространство без всякого предубеждения, без всякой корысти, но – и в этом парадокс нашего отношения к «другому», ведомый нашему бессознательному, – неизбежно несущего на себе и в себе груз «сверхсознательных» предубеждений, привычек, стереотипов, собственных не просто «русскому» как инациональному по отношению к «инородцам», но русскому как совершенно определенному социально-историческому типу сознания – русскому как символическому *Отцу* в отношении *малых* народностей, неразумных и naïвных *детей*.

Остановимся более подробно на книге Носилова «У вогулов». Она носит автобиографический характер, за образом рассказчика прозрачен образ автора, описывающего свои личные путешествия в край вогулов и не стесняющегося в выражении личных же впечатлений, мыслей и чувств. Открытое выражение своего «я» – одновременно достоинство письма Носилова и его, с точки зрения художественной, недостаток: даром «непрямого» говорения (М.М. Бахтин) Носилов не отличался, авторский голос почти всегда совпадает с голосом рассказчика; тем более нам будут интересны случаи различия смыслов позиций автора и повествователя. Художественная целостность книги организуется на нескольких уровнях. Во-первых, за

счет единого и не меняющегося, остающегося всегда одним и тем же образа рассказчика; во-вторых, за счет самого сюжета путешествия и жизни рассказчика среди вогулов; в-третьих, за счет перемещений во времени, которые компенсируют неизменность авторского лица и вводят замкнутый мирок вогулов в контекст социально-исторических и экономических преобразований жизни страны, к которым причастен и автор-рассказчик. Это не робинзоада: хотя рассказчик не раскрывает цели своего пребывания на долгих зимовках в стране вогулов и временами явно наслаждается своей удаленностью от цивилизации, своей приобщенностью к дикой природе, но он находится в этих местах временно и по своей доброй воле. В первой части книги описывается его жизнь среди вогулов в первые приезды к ним (в 1883 г. и, по-видимому, несколько позднее), во второй – новое посещение края «через 10 лет», неприятно поразившее рассказчика радикальными изменениями в образе жизни и привычках его жителей.

Давая в первой части книги обобщенный портрет племен вогулов и выпукло прочерчивая фигуры тех, кто стал его друзьями, рассказчик Носилова акцентирует ведущее противоречие, не дающее ему покоя и обозначенное им как сфера «таинственного» в жизни народа. Это противоречие между вызывающим сострадание состоянием племени сегодня – оно находится на грани вымирания – и его историческим, точнее, доисторическим прошлым, которое носильский рассказчик знает из книг и стремится угадать, даже, как ему кажется, угадывает в физиогномических чертах манси, в манере их поведения, в тех редких ценных предметах, которые он находит в их домах. «Еще недавно воинственный, бодрый, знавший, как топить, добывать из руд Урала железо, медь, серебро, имевший торговые сношения с соседями, войны, – народ этот теперь совсем упал, совсем превратился в первобытного дикаря и так далеко ушел от нашествия цивилизации в свои непроходимые леса, так забился в глушь своей тайги, так изолировался, что кажется, уже более не покажется на мировой сцене, а, тихо вымирая, сойдет вовсе с лица нашей планеты. Откуда он пришел в эту тайгу, какие великие передвижения народов его вдвинули сюда, он не говорит, он забыл даже свое недавнее прошлое; но его типические черты, – хотя вогулы уже слились давно с монгольскими племенами, заимствовали от них обычаи, верования, – еще до сих пор напоминают юг, другое солнце: кудрявые, черные волосы, римский профиль лица, тонкий, выдающийся нос, благородное, открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий, смелый взгляд – ясно говорят, что не здесь их родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событиями, передвижениями в великой Азии народов. Такие лица скорее напоминают венгерца, цыгана, болгарина, чем остяка, тип которого все более и более начинает преобладать благодаря кровосмешению»¹.

Гипотеза о нежданной родине вогулов (культурно-исторический контекст которой мы здесь опустим) подчас вызывает у рассказчика неожиданные ассоциации: горы Северного Урала напоминают ему Альпы, в капище идола он находит старую чашку и вновь задумывается о таинственном прошлом племени («Она была тонкой нерусской работы, на дне ее были изображены драконы, какие-то чудовищные птицы и звери, что-то знакомое по Египту и Персии», с. 91). Будучи сам человеком деятельным, да к тому же ученым, носителем рационального знания Нового времени, носилковский рассказчик делает вывод, что отсутствие смысла в современной жизни вогулов – на фоне их славного, героического прошлого – принудило их уйти в «в тот неведомый мир духов, в ту сферу их верований, которыми они живут, который их занимает» (с. 2). Эта сфера «таинственного» воплощается для автора и его рассказчика в религии народа, сакральный смысл которой он упорно (и безуспешно) пытается понять во все время своего пребывания среди племени. Он тонкий наблюдатель, ему интересно все, что окружает его в мире вогулов, поэтому он делает целый ряд попыток постичь их духовную жизнь: расспрашивает ставших его друзьями вогулов об их вере и обычаях, старается заслужить доверие племени и, делая над собой усилие, ест ту же пищу, что и они (сырое мясо только что убитого оленя), и действительно, вогулы проникаются к нему родственными чувствами и позволяют лицемерить сердцевину «таинственного» – самое нуминозное. Носилковский рассказчик участвует в церемонии приношения даров идолам, допускается до процедуры переодевания идола Чохрын-ойки, участвует даже в жертвоприношении. Его сознание не желает признать языческую веру вогулов за нечто досужное и близкое вере других народов, поэтому он старается рационализировать своей мыслью все, что проходит перед его глазами и в чем он сам принимает участие. Но полной рационализации не получается: из глубины души постоянно выпрыгивает страх, подчас доходящий до крошечного ужаса и отвращения. Страх заставляет его чувствовать взгляд шайтана, признанного «простым обрубок дерева» и только что, с известной долей цинизма одетого рассказчиком в новый наряд; он гонит рассказчика прочь от капища, на которое он так стремился попасть, хотя сам рассказчик считает, что причиной тому жалость к убиваемым оленям, терзающая его сердце. Этот страх пробуждается в нем всякий раз при звуках барабана, он ощущает его, когда рыбачит вместе со стариком Саввой на лесных озерах и слышит крик гагары («Но больше всего было прислушиваться к этой мертвой тишине, и пронзительный голос вдруг застонавшей гагары, бывало, так и поднимает на голове волосы», с. 66). Безусловно, христианство для рассказчика и его автора-создателя – гораздо более предпочтительная религия, но, в сущности, он безраз-

личен к любой религии, недаром в сцене жертвоприношения он сравнивает старика Сопра с христианским апостолом («...старик Сопра с поднятыми кверху руками, как приносящий жертву апостол...», с. 94): для истинно верующего человека это сопоставление было бы кощунственным.

Этот страх, по-видимому, и становится для самого Носилова свидетельством существования неведомой сферы, в которую он тщетно пытался проникнуть и которую стремился понять средствами разума. Как для человека просвещенного, гораздо более приемлемым знаком наличия у вогулов своей и тайной внутренней жизни является для него не их религия, но их, достаточно примитивное на первый взгляд, искусство: Носилов красочно и со вкусом описывает представление, которое устраивают вогулы на Пасху, рассказывает о своих «информантах» – слепом старике-сказителе Савве, молодом вогуле Лобсинье, поражающем его не только музыкальностью натуры, но и душевной сверхчуткостью, способностью пророчить будущее. Автор-рассказчик постоянно колеблется: признать ли в «таинственном» вогулов Реальность – или всего лишь Воображаемое. Чтобы разрушить страх перед Реальным, он и прибегает к разумно-рациональным способам объяснения причин страха: вводит метод аналогии, как в упомянутом выше случае с жертвоприношением, апеллирует к наличию своих страхов у людей вполне цивилизованных, короче говоря, использует символизм обыденного сознания и языка, своим вторжением в сферу нуминозного разрушающих его защитную оболочку. Но страх остается и прорывается в речи рассказчика неожиданными оговорками. Во время путешествия из вогульского поселения на запад, к Печоре, где он решил провести рождественские праздники, перевалив наконец через Уральский хребет, рассказчик замечает: «...переехав из *ужасной Азии* в Европу» (с. 102).

Самую решительную победу над страхом и над самим нуминозным носиловский рассказчик одерживает тогда, когда он переживает наиболее крупное разочарование из всех, испытанных им в этих местах. Приехав к вогулам через 10 лет, он наблюдает разгул хищничества в крае и крайнее обнищание и растрепанность народа. С горечью он признает, что сам способствовал приходу «цивилизации» в этот край, ибо 10 лет назад буквально проложил ей путь – открыл речной проход от Оби к Печоре. Новая жизнь разбила не только мечты Носилова (биографического автора и рассказчика-повествователя), но и мирный строй жизни обитающего здесь народа. *Эта реальность, которую вынужденно признает рассказчик, разрушает прежнюю* – то, что прежде вогулы прятали от глаз чужих, теперь перестало быть тайной и выставляется напоказ: любой чужой может смотреть на их языческие моления и за известную мзду принимать участие в церемонии жертвоприношения. Перед нами еще одна

история о «сворачивании» «естественного человека», еще одна вариация сюжета «Сна смешного человека», но вполне жизненная и глубоко реальная. Однако, в отличие от героя Достоевского, рассказчик Носилова признает свою вину перед вогулами как чувство, которое он должен бы испытывать, но – по существу не испытывает. Он не собирается «складывать руки», борьба, так сказать, продолжается. Но «теперь надо его (вогула. – Е.С.) защищать от цивилизации, как это ни грустно и горько» (с. 155). Причины его глубинной самоуверенности лежат в том же научно-рациональном, позитивистском мировоззрении, которое когда-то подвигало его к просвещению вогулов, к попыткам привести цивилизацию в их забытый Богом и людьми край. Вогулы были и остаются для Носилова «дикарями», потому что они по-прежнему далеки от культуры. Эта номинация как раз и выдает в позиции автора установку человека, смотрящего на живущих в лесах людей сверху вниз: «дикари» и «дети» нуждаются в постоянном присмотре и образовании, которые призваны осуществить русские пришельцы, колонизаторы края. Сейчас колонизация сибирско-уральского Севера осуществляется варварскими методами, но все еще можно поправить, если «пробудить» общественность, если внушить людям, стоящим у власти, правильные рецепты освоения природных богатств этих мест, если заставить промышленников идти рука об руку с наукой и просвещением... Утопичность и прекраснотворческие представления Носилова оставим без комментариев.

Примечание

¹ Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. СПб., 1904. С. 1–2. Далее текст цит. по этому изданию с указанием в скобках страниц.

*Н.В. Суржикова
(Екатеринбург)*

Культурный шок военного плена: от потрясения к преодолению (по воспоминаниям И. Пехмана)

Вплоть до конца XX в. продиктованная политико-идеологическими императивами установка на стерилизацию прошлого страны надолго превратила военный плен в маргинальную тему, имевшую негативную маркировку в общественном сознании и исключенную из поля зрения профессиональных историков. Активная проблематизация данной тематики, произошедшая за последние десятилетия, породила внушительную историографическую традицию¹ и вместе с ней – дезориентирующую иллюзию того, что научный поиск в этом направлении близок к завершению. Однако даже повер-